

А.И. Куляпин

**"НЕИЗЛЕЧИМАЯ ДУША", "КАРАЮЩАЯ РУКА" И
"ВЕЛИКАЯ ОПЕРАЦИЯ"
(М.Зощенко и Е. Замятин)**

Отношение Зощенко к Замятину в начале 20-х гг. в целом вполне укладывается в рамки тыняновской концепции литературной эволюции, которая, по мнению ученого, совершается, главным образом, путем "применения старых форм в новой функции". Ранний Зощенко "явно отправляется" от Замятина, используя его "технику художественной прозы". Значительно частое обращение начинающего писателя к пародии. К. Чуковский справедливо называет тогдашние пародии Зощенко на Евгения Замятина, Виктора Шкловского и других "учебными эксерсисами в области литературной стилистики".

В 30-е гг. ситуация радикально меняется за счет того, что, во-первых, наиболее актуальным среди произведений Замятина становится роман "Мы" (а не сказовые вещи), и, во-вторых, Зощенко постепенно все больше отходит от игровых форм пародирования, предпочитая серьезную научную, философскую полемику. Следы скрытого диалога с Замятиным обнаруживаются, в частности, в примечаниях VI, X и XII к повести "Возвращенная молодость" (1933).

В романе "Мы" среди немногих исторических лиц, названных больше одного раза, – Кант. Немецкий философ упомянут в эпизодах 3 и 7, причем оба раза он противопоставлен гению регламентации Тэйлору как мыслитель, не сумевший "построить систему научной этики, т.е. основанной на вычитании, сложении, делении, умножении". По Зощенко, напротив, Кант "приравнял свой организм почти к хронометру", "вся его жизнь была размерена, вычислена", "похожа на работу машины". Кант подобно замятинским нумерам строжайшим образом подчиняет ритм своей жизни своеобразной "Часовой Скрижали":

Ровно в десять часов он ложился в постель, ровно в пять он вставал. И в продолжение 30 лет он ни разу не встал не вовремя. Ровно в семь часов он выходил на прогулку. Жители Кенигсберга проверяли по нем свои часы.

Ср.:

Каждое утро... в один и тот же час и в одну и ту же минуту, – мы, миллионы, встаем, как один. В один и тот же час, единомиллионно, начинаем работу – единомиллионно кончаем... В одну и ту же секунду выходим на прогулку ... отходим ко сну.

Зощенко признает что "опыт Канта удался", но оценивает его в целом все же негативно:

Автор не считает идеалом такую жизнь, похожую на работу машины.

В унисон с антиутопическим пафосом Замятина звучат еще несколько тезисов из научного раздела повести "Возвращенная молодость". Логике замятинского Единого Государства:

Желания – мучительны... И ясно: счастье – когда уже никаких желаний, нет ни одного...

явно противостоит зощенковское:

Смысл жизни не в том, чтобы удовлетворить свои желания, а в том, чтобы иметь их.

И, наконец, упомянутый В.П. Полонским в споре с автором повести опыт, при котором "у животного вырезают мозг, и тем не менее оно продолжает жить", перекликается с Великой Операцией (запись 31 романа "Мы"), поскольку итог и в том и в другом случае – механизация живого, полное уничтожение желаний и фантазии.

В 40-е гг. диалог с Замятиным по-прежнему сохраняет для Зощенко значимость, не случайно его имя появляется на страницах повести "Перед восходом солнца" (1943). Автор романа "Мы" выступает в эпизоде "Дом искусств" (сцена знакомства с Блоком) в роли посредника между автобиографическим героем-повествователем и культурой "серебряного века". Поскольку мучительное размежевание с декадентством составляет один из важнейших аспектов повести, неудивительно, что антиутопия Замятина также вписывается Зощенко в контекст литературы и философии "серебряного века". Это обстоятельство во многом определяет накал полемики.

В самом общем виде сюжетные схемы повести "Перед восходом солнца" и романа "Мы" совпадают – герой-рассказчик тщательно фиксирует на бумаге этапы своего движения от болезни к "абсолютному" психическому здоровью. Странное, на первый взгляд, сближение Д-503 и автобио-

графического героя Зощенко вполне оправдано. Болезнь обоих – следствие активизации инфантильных комплексов, бессознательного, архетипического – во многом спровоцирована контактом со сферой декадентской культуры. Симптомом невроза становятся сновидения героев. Показательны текстуальные переключки двух произведений. "Мы":

Ясно: болен. Раньше я никогда не видел снов. ... Сны – это серьезная психическая болезнь (Запись 7).

Удивительно: неужели нельзя придумать никакого средства, чтобы излечить эту сноболезнь или сделать ее разумной, – может быть, даже полезной (Запись 21).

"Перед восходом солнца":

Я раньше не видел снов... Теперь же они появились, едва я смыкал глаза. ... Это были кошмары, ужасные видения, от которых я в страхе просыпался. ... Неужели ничего разумного не лежало за этим?

В конечном счете Зощенко приходит к мысли о необходимости "контроля сознания над низшими силами". Близкая формула есть в романе "Мы". У Замятина пространственная модель мира практически тождественна структуре психики героя, поэтому "очищенный от низшего мира город" соответствует вытеснению, а последующий взрыв Стены и борьба Единого Государства с силами хаоса, "изменившими разуму нумерами" зеркально отражает процесс "возвращения вытесненного" и "вторичное вытеснение" Д-503. "Мы" заканчивается "оптимистической" верой в победу Единого Государства, "потому что разум должен победить". Эпilog повести Зощенко завершается так же:

Не дело, чтобы низшие силы одерживали верх. Должен побеждать разум.

Очистительный психоанализ приводит писателя к победе над болезнью, но цена этой победы, безусловно, чрезмерно высока.